

18+

Сабит Алиев

Десять историй
любви

Сабит Алиев

Десять историй любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53661135

ISBN 9785449861399

Аннотация

В книге собраны трогательные истории жизни людей, порой прекрасные, порой трагические, но всегда замешанные на настоящих человеческих чувствах. Это книга о любви, о поисках счастья, об истинной красоте и нравственности, о сплетении судеб, кармических хитросплетениях и межличностных отношениях в современном непростом мире. Автору удалось проникнуть в самую суть психологии этих людей, касаясь сердца читателя и находя отклик своей беспарошной манерой раскрытия каждого персонажа.

Содержание

САБИТ АЛИЕВ	5
ПУТЬ К СЛОВУ	6
НАСТАВНИКИ	20
«ТОЛЬКО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ»	32
Часть первая	33
Часть вторая	41
Часть третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Десять историй любви

Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2020

ISBN 978-5-4498-6139-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

САБИТ АЛИЕВ

В книге собраны трогательные истории жизни людей, порой прекрасные, порой трагические, но всегда замешанные на настоящих человеческих чувствах. Это книга о любви, о поисках счастья, об истинной красоте и нравственности, о сплетении судеб, кармических хитросплетениях и межличностных отношениях в современном непростом мире. Автору удалось проникнуть в самую суть психологии этих людей, касаясь сердца читателя и находя отклик своей беспарфосной манерой раскрытия каждого персонажа.

«Кофе без сахара» – это очередной роман Сабита Алиева в цикле душевных исповедальных рассказов. «...В ресторане сидела единственная дама: молодая, красивая, высокая, со светлыми тонкими волосами и выбивавшимися из прически вьющимся прядями. Попивая кофе, она читала книжку», – так начиналась эта интересная история с непредсказуемым финалом. В ту первую встречу герою не хватило дерзости познакомиться с ней, но эту красивую девушку он запомнит навсегда. Жизнь – странная штука, она всегда дает человеку новый шанс, и что из этого получилось – читайте с наслаждением одну из самых драматичных историй настоящей любви.

ПУТЬ К СЛОВУ

Арсений налил воду в чайник, ложкой отмерил зёрна и включил кофемолку. Каждый раз, когда жужжал моторчик, Арсений думал о том, почему народ этого небольшого балтийского городка так равнодушен к созревшим в тропиках кофейным зёрнам. Ленивые и торопливые, люди предпочитают быстрорастворимый порошок с едва уловимым пряным запахом. Вот почему он вчера, несмотря на морозящий холодный дождь, отправился в Санкт-Петербург, и там, на Невском, в магазине, с малых лет ему знакомом, его одарили плотным пакетом ароматнейшего кофе. Священный ритуал никогда не нарушался. Смолотые в пудру зёрна высыпались в заранее подогретый фарфоровый кофейник, заливались kloкочущим кипятком. На журнальном столике, покрытом кружевной салфеткой, уже были приготовлены чашечка с блюдечком, оставшиеся от старинного фамильного сервиза. Арсений сел в мягкое кресло, откинулся на спинку и помедлил минуту, вдыхая волшебный аромат. Чашечка пряного, с тугой зеленоватой плёнкой напитка вызывала в нём лёгкое волнение: он уносился в детство. В то безмятежное и счастливое время, когда были живы его всеильные ангелы—хранители, мама и бабушка. Он вспоминал забавные случаи, мамины рассказы о его рождении и раннем детстве, бабушкины то ли были, то ли легенды об их старинном

знатном роде.

Теперь Арсений Потапов, давно миновавший Христов возраст, был кем-то вроде философа-отшельника. Чем дольше люди находились возле него, тем сильнее становилось его желание либо избавиться от них, либо самому скорее их покинуть. Он терпеть не мог, когда кто-то ночевал в его доме. Любил свою старую мебель, посуду, допотопную люстру, изящные резные полочки, уставленные забавными фигурками, воспринимая их живыми существами со свойственными им характерами, причудами и даже тайнами. Своего отца Арсений знал, но не помнил – с малолетства много воды утекло. В ответ на его расспросы мать хоть и коротко, но хорошо говорила о талантливом театральном художнике Георгии Потапове. Их молодая семья, увлечённая литературой, драматургией, живописью, на зависть многим была очень счастливой. Да ещё родился сын, которого назвали прекрасным именем Арсений, что по-гречески значит «мужественный, возвышенный». Потом мать прерывала свой рассказ, вздыхала, тихо сетовала на развал страны, безработицу, отнявшую у людей искусства смысл жизни. Георгий Потапов стал искать его в вине.

Арсений видел отца в сознательном возрасте только один раз. В гробу. Его мать была личностью необыкновенно привлекательной. Так считал не только он как сын – это осознавали все, кто её знал. Для многих она воплощала идеал женщины: красивая, стройная, со спокойным, но твёрдым ха-

рактором, вдобавок ко всему энциклопедически образованный признанный литературовед. Арсению она уделяла много внимания: вникала во все его мальчишеские проблемы, учила находить правильные решения. Понимая, что в сыне прорастает гуманистический, не упрекала его за тройки по физике/химии, а старалась больше и увлекательнее рассказывать о русских классиках. Однажды, когда они гуляли по осеннему парку и вели беседу о том, чему человек должен посвятить свою жизнь, что будет значить для его личности этот выбор, мама вдруг заговорила таким проникновенным тоном, будто оставляла сыну родительский наказ: «Самая лучшая профессия – это писатель. Он ни от кого не зависим. Создавая произведения, он живёт в мире своих героев, радуясь и страдая вместе с каждым образом, рождается и умирает с ним. Но какими бы ни были события повести или романа, они должны помогать писателю, а потом и читателю, становиться прекраснее душой, отважнее характером, закалённее волей. Труд этот тяжёл, но благороден».

Материнское откровение легло на сердце сына, как молитва.

Окончив школу, Арсений поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Он сразу стал публиковаться в студенческой многотиражке, его заметки бы-

ли грамотными, но скорее информативными. После второго курса студента призвали на срочную службу. В воинской части его писательская карьера совершила небольшой рывок – он стал главным редактором армейского листка «Служу родине», который печатался в полковой типографии. Арсению нравилась и оперативность работы, и вёрстка газетной полосы, и стрёкот линотипа, и волнующий запах свежотпечатанного листа. В его душе начинало проклёвываться чувство авторства судьбоносного романа, которым будет зачитываться страна, а может быть и весь мир. Он, конечно, понимал, что слава не падает с неба. Твердя мамино заклинание о труде, Арсений завёл толстую тетрадь-дневник, записную книжку.

Однако время летело с такой быстротой, окружающие события казались мелкими, судьбы людей, с которыми общался, рядовыми... В его творческой копилке слабо позванивали ценные монеты. Арсений сокрушался невезению. Утешала молодость, обещавшая одарить сюжетами когда-нибудь в будущем. К концу учёбы в университете они с мамой думали о следующей странице его биографии. Мудрая женщина, мама внушала сыну, что настоящего писателя делают большие события и личное участие в них, будь то война, блокада, зимовка в Антарктиде, работа в горячей точке, где бы она ни находилась, стройка века, знание психологии людей, в них участвующих... И всё это надо познавать через свою душевную боль. Человек, обрекающий себя на такой труд, становится добровольным каторжником. Но это сладкая каторга.

Когда пришло время, Арсений дал твёрдое согласие отправиться на Северный Кавказ в одну из самых горячих точек. Но, несмотря на всю его усиленную подготовку, этому событию не суждено было состояться. У мамы случился инсульт. Единственный сын, Арсений взял на себя все заботы о самом дорогом ему человеке. Чтобы зарабатывать хоть какие-то средства, он устроился младшим редактором в профсоюзный журнал, подрабатывал ответами на письма, давал частные уроки. Денег не хватало. Тогда мама сделала здравое предложение: обменять прекрасную питерскую квартиру на небольшой домик у моря в Выборге и однушку в Питере, которую будут сдавать в аренду. Арсений мужественно начал преодолевать непредсказуемые круги разменного ада.

Однажды вечером, сидя возле матери, он старался спокойно, не волнуя её, рассказать, как обивал пороги контор, какие им светили надежды, и вдруг с тоской взгляделся в её бледное, искажённое болезнью лицо. У него замерло сердце от осознания быстротечности жизни.

Ночью он не мог уснуть. Его терзал стыд. Он, взрослый мужик, мечтавший о большой литературе, не написал ни одной строчки, которой порадовалась бы его мать. Чего он ждёт? Какой небесной манны? Какого озарения? Никакого чуда не случится. Будет рутинный каторжный труд. И если ты повесил на себя эти кандалы и вериги, то садись за стол, страдай душой, ворочай мозгами и пиши. Арсений встал, накинул халат, сел за письменный стол, заправил в машин-

ку чистый лист бумаги, крупным шрифтом вывел заглавие «Чужая жизнь». История талантливого юноши, который рано остался сиротой и теперь жил вместе с бабушкой, уже давно складывалась у него в небольшой рассказ, немного смешной, немного грустный, – известно непростое житьё двух поколений, разделенных российским полувеком. Сюжет рассказа чётко выстраивался у Арсения в голове.

Его пальцы легко бегали по клавишам; не было времени ни остановиться для раздумий, ни перечитать напечатанное.

Арсений проснулся за полдень. От ночного волнения не осталось и следа. Он взял напечатанные листы, спокойно прочитал написанное. Да, конечно, это рассказ, правда небольшой, но в нём уместились три необходимых компонента: завязка, основное действие, концовка. Зайдя к маме, он увидел, что она, хворающая, лежит на высокой подушке. При виде сына она слабо улыбнулась и тихо, но стараясь чётко выговаривать слова, сказала:

– Я слышала... Ты всю ночь печатал... Загорелась в душе лампадка?

– Мамочка, я приготовил тебе сюрприз. Бог даст, он будет тебе хорошим лекарством.

В журнале, куда Арсений принёс свой первый рассказ, имя его матери – Евгении Потаповой – не только было известно: её талант литературного критика высоко ценили, и потому Арсения приняли очень радушно и пригласили на ближайшую редколлегия за ответом. Он шёл домой

и невольно улыбался своим мыслям: с каким радостным волнением мама будет слушать его рассказ о приходе в редакцию, выспрашивать подробности обо всех и обо всём, о том, что её помнят, любят, надеются на её скорое возвращение...

Как всегда в последнее время, в квартире было тихо. В маминой комнате – тоже. Арсений осторожно приоткрыл дверь. Мама в его сторону не обернулась. На слабый ласковый оклик не отозвалась... Он подошёл совсем близко. На милом лице разгладились следы болезни. Казалось, она чуть задремала, чему-то улыбаясь во сне. Но сон этот был вечный.

Размен жилья наконец-то состоялся. Чтобы помочь Арсению обустроиться на новом месте, наладить холостяцкий быт, из Киева приехала бабушка Ольга Павловна Репнина – личность совершенно необыкновенная. Ещё совсем девочкой она пришла в клинику знаменитого невролога Бехтерева, к его ученикам и соратникам. Шестнадцатилетнюю Олю определили в лабораторию мыть пробирки. Очень скоро упорная и любознательная девушка уже работала с микроскопом. Она поступила в мединститут, успевая и учиться, и вести в клинике научные исследования, которые легли в основу её кандидатской диссертации. Война изменила судьбу молодой женщины. Ещё только звучало по радио со-

общение о начавшейся трагедии, а Ольга уже бежала в военкомат и там потребовала без промедления назначить Репнину начальником санитарного состава. Её напористость, умение убеждать всех и во всём, способность держаться на ногах без сна и еды совершили чудо: через три дня от платформы Финляндского вокзала двинулся на запад полностью оснащённый медицинским оборудованием и укомплектованный медперсоналом эшелон под красным крестом. По этим адским рельсам он до самой победы то мчался, то тихо полз, то, вовсе замирая, стоял, спасая жизни тысяч людей. В свои девяносто Ольга Павловна обладала ясным практичным умом, феноменальной памятью, читала и шила без очков, ходила без палки, делала по утрам зарядку, вечером – дыхательную гимнастику, играла в шахматы и была отменной кулинаркой. Конечно, она не двигала тяжёлую мебель, не носила чемоданы, кофры, сумки, не охала в длинных очередях. Ольга Павловна была талантливым организатором любого дела. Зная, что взяла на себя роль скорой помощи на недолгое время, настойчиво учила внука всему, что умела сама. И она же твёрдо настояла на том, чтобы Арсений не бросил на полдороге обещанную матери литературную работу.

Сына уважаемого всеми автора принял сам главный редактор. Выразил искренние соболезнования, похвалил Арсения, что не опускает рук. Положив перед собой листики с его рассказом, начал подробно говорить о написанном. Арсений слушал, и его то бросало в жар, то окатывало ледя-

ной водой. Хоть и похвалил его маститый критик за живость диалогов, за современный молодёжный стиль, за тонко выписанные детали, но он понимал, что опус его не более чем писанина. Главный редактор крепко обнял его за плечи.

– Согласен с замечаниями? Тогда учти их и приходи снова. Перо у тебя есть, будем учиться владеть им. Это первое, что я тебе хотел предложить... А второе – в память о твоей маме мы откроем для тебя должность, которой раньше не было в нашей редакции и которая как-то ушла из практики литературных журналов после перестройки. Ты будешь читать приходящий в редакцию поток рукописей. Нам пишут и графоманы, и свободные от дел охотники до воспоминаний, и люди, проживающие очень интересную жизнь, но не умеющие рассказать о ней, встречаются, правда редко, золотые самородки. Работа, конечно, не сахар, но тебе она пойдёт на пользу. Ты будешь у нас на договоре и, разумеется, на зарплате. А самое важное – среди нас, вроде сына редакционного полка.

Прощаясь, редактор вручил Арсению толстую папку и несколько листков его рассказа, испещрённых пометками. Увидев в окно, как внук медленно идёт по дорожке к дому, Ольга Павловна сердцем почуяла, что прибыл он не на крылатом Пегасе. Однако с расспросами не торопилась: опытный психолог, она знала, что Арсений сам всё расскажет.

Бабушка сидела в кресле за вязанием. Арсений подошёл, нежно обнял бабушку за плечи, укрытые лёгким платком.

Молча остановился у письменного стола, аккуратно положил пухлую папку возле настольной лампы. Отодвинув нижний ящик, бросил листочки с рассказом в самый дальний угол. Вечером они пили душистый кофе за журнальным столиком, и внук поведал Ольге Павловне о разговоре с главным редактором и сам уже продолжил его, рассуждая с собой. Да, стиль, тональность рассказа, занятные словечки... А ради чего это? Что он хотел сказать читателю? Чем привлечь? О чём задуматься? Он не знает жизни... Не приобщён к большому делу, которое рождает в человеке глубокие мысли.

Ольга Павловна, не прерывая вязанья, будто между прочим, спросила:

– Арсен, ты помнишь, с какими вещами ты встретил меня на вокзале?

– Конечно, – удивленно ответил внук. – Дорожный чемоданчик и большой жёлтый портфель.

– Так вот, голубчик, саквояжик я увезу с собой, а портфель оставлю тебе. Там мои бумаги, мой архив. Удивишься, чего только там нет: и письма, и клочки обёрточной бумаги с двумя—тремя строчками, и школьные тетради с записями, оборванными на полуслове... Очень мне хотелось сохранить в памяти военные годы, события, судьбы людей, разные случаи... Но то время было кромешным адом. А потом нахлынул другой поток... Думала, что зря хранила портфельчик. Ан нет! Дождался он своего часа. Оставляю тебе его в на-

следство, на твою совесть. Уверена, что пригодится он тебе.

С этого дня Арсений жил в приподнятом настроении. Рано вставал, садился к письменному столу, брал из толстой папки редакционного самотёка очередной опус и внимательно—внимательно читал его, делая карандашом на полях пометки, будто проводил для себя мастер-класс. Одарённый природой литературными способностями, он не умел правильно применять их. Сейчас Арсений чувствовал живую плоть слова, его запах, его место в строке. Как архитектор знает законы построения здания, так и писатель должен выстраивать своё повествование.

Вечерами, усевшись за журнальным столом, бабушка брала вязанье, внук разливал по чашечкам ароматный кофе, включал диктофон, и Ольга Павловна начинала рассказывать. О чём только она не вспоминала! То о мощном, раскидистом фамильном древе Репниных, то о сподвижнике Петра Первого, воспетого Пушкиным в «Полтаве», то о смутных временах, когда рубили многовековое славное древо под корень. Но чаще всего вспоминала войну, признаваясь, что всю оставшуюся жизнь слышит стоны раненых, шёпот умирающих, взрывы снарядов и стук... стук... стук колёс. Как ни велика была трагедия войны, как ни гнобили голод, сиротство, увечья, смерть, но радость согревала обездоленных: письмом из дома, концертом фронтовой бригады артистов, котелком горячей каши, душевной мелодией баяна, лаской пригретой бродячей собаки. Уж каких только животных

не подбирал народ, кочующий на колёсах!

Особенно бабушка любила рассказывать разные затейные истории про красавца-петуха, которого все звали сначала Петя, потом Пётр, а потом и вовсе Император за его золотой наряд и царское высокомерие. А кассеты диктофона, плавно крутясь, оставляли в незыблемом естестве голос рассказчицы.

Поезд на Киев уходил вечером. Проводив бабушку, Арсений долго ждал рейсового автобуса. В Выборг вернулся, когда улицы уже были безлюдны. Домой идти не хотелось, он направился к морю. Ярко светила луна. Плескались о камни волны, омывая его лицо влажной свежестью. Арсений стоял не двигаясь. В его душе бушевало неведомое ему доселе волнение, восторг, граничивший с безумием. Он с трудом успокоил себя и медленно пошёл к дому.

Не зажигая огня, не раздеваясь, прилёг на кровать. Спать не хотелось, просто закрыл глаза, чуть задремал. И вдруг он услышал, как легонько скрипнула дверь, приоткрылась... На пороге стояла мама в светлом платье. Она приблизилась к нему. Привстав, Арсений уткнулся ей в колени, сквозь горячие слёзы, заливавшие его лицо, зашептал: «Мамочка, милая моя мамочка... как я по тебе соскучился...». Мама приподняла его лицо, ласково посмотрела в глаза и тихо, но твёрдо сказала: «Пора, сынок. Пора тебе отправляться в дорогу. Теперь ты готов».

Арсений очнулся. Он, как и был одетый, лежал на кроватке.

ти. В комнате никого... Дверь закрыта. А лицо в слезах. Что это было? Сон? Видение? Но он ощущал мамины руки, видел её глаза.

И понял, что она его благословила.

В назначенный срок Арсений Потапов вошёл в кабинет главного редактора и подал ему объёмистую папку самотёка, сказав, что все материалы прочитаны, разложены по значимости и коротко отрецензированы. Главред одобрительно кивнул, но, в упор глядя на Арсения, строго спросил:

– А где твой рассказ?

Новый сотрудник, немного смущаясь, протянул ему прозрачный файл с листами чётко отпечатанного текста. Вверху первой страницы крупным шрифтом выведено название «Моя удивительная бабушка».

Главред удивительно хмыкнул, показал Арсению на стул, чтобы ждал, а сам стал читать. Сердце автора-дебютанта трепетало, но он изо всех сил старался не выдать своего волнения.

Прочитав рассказ, главред минуту молчал, затем аккуратно сложил листки и широко улыбнулся:

– Молодца! Проросла-таки в тебе материнская порода! Берём в номер.

Так началась писательская судьба Арсения Потапова. Его печатали в каждом выпуске журнала. В цикле «Под стук колёс» по-новому ожили события разных лет и разных людей, бывших их участниками.

Начиная очередной сюжет, Арсений почти физически чувствовал, что вступает на узкую колею между рельсами, шагая по шпалам. Идёт тяжело, будто несёт на плечах непомерную ношу. Но шаг за шагом походка становилась лёгкой, в душе рождалась одному ему слышная мелодия рассказа, и он искал слова, созвучные этой мелодии.

Через год вышла книга Арсения Потапова.

А впереди его ждали новые сюжеты.

НАСТАВНИКИ

Как-то утром я проснулся со счастливой мыслью, что если хочу стать известным адвокатом, то мне нужно переехать в столицу, поступить в вуз и найти себе наставника. Об осуществлении этого блестящего замысла я в то же утро решил поговорить с отцом. Он одобрил мои планы, и через неделю я переехал в столицу.

Я из тех, кто добивается успеха любой ценой. Но в некоторых ситуациях поражение оборачивается победой. Главный урок – учиться на ошибках. Только я категорически против наступать на грабли.

Помню, еще в первый приезд с отцом в Баку я загадал желание: обязательно вернуться сюда жить. С того времени ничего не изменилось в городе: вдали – прямая линия горизонта, то же безбрежное море, так же лежит песок, бьются о берег волны, гуляют люди по бульвару...

Баку – город с узкими улицами и счастливыми торговцами фруктами, помидорами, огурцами, чёрным и белым виноградом, свежей душистой зеленью.

Я зашёл в первое попавшееся кафе, выпил чашку обжигающего кофе, сопроводив его двумя рюмками коньяка местного разлива, и угостил бармена.

Жизнь в столице мне понравилась с первого дня.

Я мечтал о блестящей карьере. Как много мне подобных,

так и не сумевших добиться успеха. А тут сын провинциального доктора, окончив юридический факультет, сразу же нашёл работу помощника адвоката. Это, как говорят у нас люди, бог помог.

Мой руководитель был настоящим профессионалом. Он был моим наставником: учил мастерству, тонкостям дела, хвалил за успехи и старание. А я стал его верным псом: другом из числа тех, на кого взваливают неприятные поручения. Вскоре я стал вести дела, обреченные на провал.

Поначалу успех вскружил мне голову. Я с довольным видом гордо расхаживал по улицам города, чтобы каждый знал о моих достижениях. Встретив на бакинском бульваре знакомого, я с восторженным видом жал ему руки, потом объявлял: «Знайте, я адвокат, и я к вашим услугам». Люди в недоумении улыбались и уходили. Так проходили мои дни.

Однажды днём, когда я в очередной раз прогуливался по улицам, внезапно стал накрапывать дождь. В такую погоду кажется, что солнце уже давным-давно никто не видел, а ведь чудеса случаются только летом и только под солнцем...

Дождь все усиливался, вода залила тротуары, бульвар. Мне пришлось укрыться в маленьком и вполне уютном кафе. За мною гуськом протопали курсанты, столпились у дверей: кто-то сцепил перед собою руки, кто-то прислонился плечом к стене. Постояв несколько минут, они вышли.

В кафе был один старик: невысокий, худощавый, сгорб-

ленный. Большие руки напоминали клешни краба. Сквозь редкие седые волосы просвечивал лысый череп. Он пристально смотрел на меня, а я все не мог понять, где прежде видел его.

Наконец я узнал старика: бывший советник президента республики, видимо, тоже спасался здесь от дождя.

Заручившись его разрешением, сел за столик и заказал себе чаю.

– Какая скверная погода, – сказал я.

Старик только пожал плечами.

– Особенно для тех, кто вышел на улицу без зонта, – добавил я.

Он не ответил, задумчиво глядя на улицу через окно. Ливень стихал. Увидев, как женщина переходит лужу, подбирая юбку, начал медленно говорить:

– Люблю наблюдать из окна за людьми, когда идёт дождь. Дети радуются и шлёпают босиком по лужам, женщины приподнимают юбки, студенты укрывают голову пластиковыми папками с курсовыми и рефератами. Мы должны быть как дети. – Он поднял глаза и посмотрел на меня.

– А я не люблю ходить под дождем. Особенно боюсь пешеходов с зонтами: для глаз нет ничего опаснее острых спиц.

– Особенно, если пешеход женщина, – усмехнулся он, продолжив начатую мною тему.

Так понемногу завязалось наше общение, которое становилось всё более оживлённым. Мы говорили обо всем: о по-

литике, о культуре, о семье, о жизни. Когда мне принесли счёт, мой собеседник решительно поднял руку:

– Одну минутку, – сказал он, – кажется, у меня где-то есть мелочь. Если это так, значит, вам крупно повезло. Он вытащил из кармана горсть бумажных денег, порылся в них и, найдя один манат, улыбнулся, обнажив блестящие белые зубы: – Вам повезло. Только вам и везёт сегодня.

Затем мы вышли из кафе и решили прогуляться. Керим Каримович, так звали моего нового знакомого, шёл, немного сторбившись и выбирая, куда ступить, чтобы не испачкать обувь.

– Вы, вероятно, не из Баку?

– Да, вы правы, – ответил я. – Я переехал в столицу, чтобы учиться. Отмучившись, решил остаться здесь. Мне нравится этот город: яркие огни, бульвар, море.

– Разрешите спросить, кем вы работаете?

Я помолчал, прежде чем ответить. Ведь удивить человека такой величины моими достижениями было бы, по крайней мере, нескромно. И я сказал просто:

– Я работаю адвокатом. Обычно выигрываю безнадежные дела, от которых отказываются маститые адвокаты, – я заставил себя улыбнуться.

Некоторое время мы шли молча. Вдруг мой спутник остановился.

– Я сейчас живу в Лондоне, работаю советником нашего посла в Англии. Если вы хотите продолжать учиться и рабо-

тать на новом месте, располагайте мною.

Для меня такое предложение было полной неожиданностью. Я начал бормотать слова признательности...

Керим Каримович с улыбкой похлопал меня по спине:

– Ну, ну... Будет вам, молодой человек... Успокойтесь.

У вас есть время подумать.

Прогулявшись, дошли до его дома, и он пригласил меня к себе. Обычай велит не пренебрегать приглашением, даже если не хочется заходить в дом.

Дом был роскошным и в то же время очень простым. В рабочем кабинете Керима Каримовича стоял массивный стол из красного дерева с выдвижными ящиками. В гостиной – большой изразцовый камин, кожаный диван и четыре кресла. На полу – персидский ковёр, с потолка свисали хрустальные люстры. На высоких книжных полках – многотомные собрания сочинений классиков. На противоположной стене висела большая картина, на которой изображено бушующее море.

Когда мы расставались, он сказал, что моя жизнь очень изменится: появится больше возможностей проявить свои способности.

Я ещё долго бродил по улицам города, думал о предложении случайно встретившегося мне человека.

Вернувшись домой, я взял чистый лист. Не мог припомнить, когда в последний раз писал письмо. Хотел посоветоваться с родителями, но решил съездить к ним, повидаться

и поговорить о сделанном мне предложении.

Я вылез из постели, чтобы согреть чайник. Деревянный пол холодил ступни. Занимался зябкий рассвет. Отворил деревянную дверь, вошёл в кухню, которая показалась мне меньше, уже и ниже.

Конфорка ожила трепещущим голубым пламенем, отбросившим слабые тени на стене. Я достал сигарету, нагнувшись, прикурил от газового кружка. Жадно затянувшись, сел на кресло. Табачный дым с каждой затяжкой будто посылал сигнал мозгу, сон уходил куда-то вдаль. Чайник свистел, как сирена. Тихо вошла мама.

– А что ты не спишь? – спросила она.

– Не знаю...

– Поспи, – прошептала ласково.

– Ещё успею. Вон, кажется, пассажирский поезд идёт...

Мы долго прислушивались к стуку колёс. Дрожь переходила в шум. Затем все стихало,глохло, точно грохот поглощала земля.

«Прощай ещё один поезд», – подумал я.

Мальчиком я любил на ранней заре, когда кричат петухи, распахнуть окно в прохладный сад: воздух чист и прозрачен, будто его нет. Горопишься умыться: прозрачная, ледяная тяжёлая вода мгновенно прогоняла ночную лень. Позавтракав

сыром и хлебом из тандыра, бежишь гулять.

Вчера, после долгой разлуки оказавшись, наконец, дома, прежде всего, услышал запах свежеспеченного хлеба. Всюду тишина и чистота, кажется, кресла, стол, зеркало никогда не трогались с места. И вот встречаются меня мать с отцом. На столе уже стоит чечевичный суп и плов.

Все так и напоминало детство. Я сел за стол, проглотил несколько ложек, от волнения даже не мог есть. Мать спросила: не захворал ли я?

– Спасибо, мама! Дай мне сначала насмотреться на вас, – ответил я.

Разговор о переезде в Лондон я решил отложить. Отрезав кусок хлеба, начал медленно жевать. Тем временем мать уговаривала меня: «Сынок, съешь хоть ещё немного. Ведь это твой любимый суп». И вдруг она начала разговор о том, что ее старший брат, который долгое время был главой нашего города, лежит в больнице, и мне надо обязательно навестить его.

На следующее утро, когда я проснулся, в доме уже пахло свежеспеченным хлебом и чаем с чабрецом. Звенела посуда. Я наспех позавтракал и стал собираться к дяде. Мать уже приготовила пакет с гостинцами для него.

...Центральную больницу отремонтировали и покрасили.

Теперь она пурпурного цвета. Мне в голову не пришло бы покрасить онкологическую больницу в такой цвет. Видимо, главврач думает иначе... «Где лежит больной? В онкологической больнице пурпурного цвета». Даже немного смешно.

Зашел в здание с центрального входа. Седой охранник с чёрными усами вопросительно посмотрел на меня.

– Извините, – говорю я, – скажите, Аскеров Афган в какой палате лежит?

– Кто? Аскеров Афган? – он надел очки и внимательно посмотрел в журнал. Затем встал. – Вы к нему? А что же сразу не сказали? Он лежит в палате «312», один. Третий этаж. Вы же понимаете, что утром посещать больных нельзя? Думаю, главврач ничего не скажет, если увидит вас, – говорил он с особой гордостью. – Простите, молодой человек, вы кем будете Аскерову Афгану?

– Племянник... Приехал из Баку, – ответил я и направился к лифту.

Мне всегда кажется странным, что мужчина интересуется чужой жизнью. Женщин хоть как-то можно понять, мужчин – нет. На мой взгляд, это одно из отличий мужчины от женщины. Пока лифт спускался на первый этаж, рядом встал мужчина в белом халате.

Закрылись двери лифта. Человек в белом халате нажал на кнопку третьего этажа. Вид у него был озабоченный. А как иначе? Попробуй работать хирургом-онкологом. Это не простая задача.

Кабина медленно ползла вверх, остановилась. Мы оба вышли и оказались на площадке, куда выходили разные двери с золотистыми ручками.

– Где номер 312, вернее палата 312? – бросил я, не глядя в его сторону, в надежде, что он ответит.

– Не знаю, – ответил врач и ушёл.

– Благодарю, – сказал я, скрипя зубами.

Пожилая женщина в форме медсестры в очках медленными шагами прошла мимо, встала перед лифтом и нажала кнопку.

– Скажите, – теперь я смотрю на неё, – где палата 312?

– Прямо, четвёртая дверь.

Я нашёл 312-ю палату, но сразу войти не мог: мои руки похолодели. Немного постояв перед дверью, вошёл. Главное, собраться с духом, поздороваться, а дальше само пойдёт.

Палата была длинная с одним большим окном и дверью в дальнем конце. Дядина койка была прямо посреди палаты, он лежал на левом боку. Кажется, сразу увидел меня, узнал, даже чуть приподнялся.

Из других палат доносились голоса врачей и санитаров. Сквозь жалюзи пробивался серый утренний свет. Я подошёл ближе, подал руку и, не дождавшись ответного движения, взял его за запястье и поцеловал исхудавшую щеку. Затем посмотрел ему в глаза. И встретил пристальный взгляд человека, который прожил почти восемь десятков лет на этом свете и для которого иной мир уже не является тай-

ной. Взгляд, все ещё не потерявший своей остроты и таинственной притягательной силы. Одним движением глаз он предложил мне присесть. Я опустился на край кровати, аккуратно отодвинув одеяло. Несколько минут мы смотрели друг на друга.

Признаюсь, я не знал, с чего начать разговор. Почему-то он мне раньше не нравился. От него веяло каким-то холодом. Во всяком случае, при нашем первом знакомстве мне так показалось. И вот почему. В детстве я мечтал стать матросом, играл во дворе с корабликом. Веревка, к которой крепилась игрушка, запуталась, и я никак не мог развязать ее. Вдруг ко мне подходит мама и говорит, что у нас гость, пусть он мне поможет. Я подчинился, зная, что выбора у меня нет. Он был одет с иголочки. Мне казалось, что его одежду гладили на нем. Обувь у него был начищена до блеска, а густые волосы каштанового цвета зачёсаны набок, от него сильно пахло одеколоном. Он за секунду развязал веревку, отдал ее мне и, погладив меня по головке, сказал:

– Если что обращайся, – а я себя в тот момент почувствовал идиотом.

Сейчас перед собой я вижу измождённого болезнью старика. От того человека остались только глаза. Смотрю на него и думаю: вновь победило неумолимое и беспощадное время.

– Ты в Баку живёшь? Как там жизнь? Говорят, там все поменялось с советских времён, – на его губах появляется

улыбка, наверное, он вспомнил молодость. – Давно я там не был. Чем ты там занимаешься? Ну, расскажи мне... Родителям помогаешь? – спросил он спокойным и уверенным голосом.

Я коротко ему ответил, что работаю адвокатом, родителям помогаю. Больше я не знал, о чем ему рассказать.

Наступила тишина, и с каждой минутой она становилась все более гнетущей.

– Знаешь, когда человек неизлечимо болен, он хочет быть один, – слабым голосом заговорил Афган. – Сейчас важно принять свой диагноз достойно, без паники. И ещё я хочу освободить всех от ненужной жалости. У меня осталось много вопросов и понимание, что я не смог сделать все... – он глубоко вздохнул. – Ты не помнишь ее, она была намного старше тебя. Моя дочка, Телли. Она умерла, когда ей было пятнадцать лет. Это было тридцать лет назад. Для меня... – я увидел в его набухших глазах слезы, – это было высшим наказанием бога. Тридцать лет я живу с этой болью.

– Понимаю, – пробормотал я и опустил глаза.

– Мне осталось жить три-четыре месяца, если буду принимать лекарства. Если нет, то месяц. Поэтому я решил отказаться от лечения. Я не хочу быть обузой для сыновей, никогда таким не был. Всегда жил так, как хотел, а сейчас все иначе. Не хочу так... Я смотрю на своё фото, оно последнее с Телли, где мы в обнимку сидим в парке. Сейчас понимаю, что жил, пока она была жива. После я просто считал

свои дни. Сказал сыновьям, что меня надо похоронить рядом с любимой дочкой. Хочу видеть ее! Сколько лет живу с этой мыслью. Давным-давно читал одну книгу, где было написано, что если могилы рядом, может быть, души встретятся.

Он поднимает глаза, смотрит на меня и молчит. Всё-таки бог несправедлив: потеря ребёнка – это самое ужасное, что может случиться с человеком.

В этот раз мне дядя Афган показался бесстрашным человеком: он не боится смерти. Правильно говорят, бесстрашным мужество не нужно, мужество нужно людям, которые боятся, но все-таки преодолевают свой страх.

Его мужество усилило мою уверенность, и я, не поговорив с родителями, решил переехать в Англию.

Теперь я живу в Лондоне. За это время я потерял отца. И год назад умер Керим Каримович.

«ТОЛЬКО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ»

Часть первая

Первый день осени... Внезапно над городом прокатился тяжелый раскат грома, по крыше дома забарабанили капли. Старинные часы с интарсированным корпусом показывали восемь утра. Доцент Бауманского университета Борис Гусев проснулся очень рано, мысли ему не давали покоя.

– Дождь запел... – сонным голосом пробормотала Сара.

Борис, ничего не отвечая, продолжал машинально вести счет упавшим каплям дождя. «Одна, две, три, четыре...», – затем повернулся к спящей девушке и поцеловал её.

– Ты лучшая женщина на свете. Твое тело, словно мед, все сладкое, с головы до пальчиков ног, – он ещё раз поцеловал её, теперь уже в лоб.

– Я тебя люблю... – пробормотала она, приоткрыв глаза.

– И я, только тебя... – ответил он. – Прости, что я тебя подвёл вчера... – и Борис отвернулся.

– Не надо об этом, мне с тобой всегда хорошо, ты же знаешь. Достаточно того, что ты рядом, – она поцеловала его в шею. – Рядом с тобой я всегда чувствую себя женщиной, любимой, желанной... Мы с тобой вчера просто любили друг друга... Мне этого довольно. С другой стороны, разве это так важно для тебя? – она открыла глаза.

– Важно... В любви все важно, особенно мелочи.

– Ты же сам мне говорил, что секс – это игра...

Борис улыбнулся, но ничего не сказал в ответ, а лишь глубоко вздохнул.

– Почему у моего мальчика нет настроения? – она прижалась к нему ещё сильнее.

– Ты завтра улетаешь, и я тебя теряю.

– Совсем даже не теряешь. У нас есть сегодня целый день и целая ночь, мы можем провести их вместе. Я просто на время отлучусь, – она пригладила его густые волосы, торчавшие в разные стороны после сна. – Папа с мамой меня ждут, я с лета не была на родине. Мне надо поговорить со своими, объяснить им... Хотя... – И, немного помедлив, добавила: – К тому же в ВР все очень строго, меня с работы отпустили только на два дня.

Борис больше не произносил ни слова, а дождь продолжал барабанить по крыше. В комнате стало холодно, ветер гулял по комнате.

– Закрой окно, – попросила Сара. – Холодно.

Он встал, подошел к окну и закрыл его, потом снова лёг в постель, все без единого звука.

– Что молчишь? – она принялась гладить его по голове.

– Не знаю... Впервые в жизни ощущаю такую пустоту внутри. Сейчас лежу с тобой и не могу представить, как я буду без тебя? Как ты там будешь, одна? Восточный город, люди другие, все чужое...

Сару несколько озадачил этот разговор. Какое-то время она лежала тихо, потом сказала:

– Я там буду не одна, а со своими родителями, братьями... И ещё, почему ты говоришь, что там все чужое? Это мой родной город, и самый большой город на Кавказе, – произнесла она твердо.

– Одна, без меня, я имею в виду... А Москва для тебя не родной город?

– Да, но на первом месте стоит Баку. Жизнь там другая, она совсем отличается от здешней, московской. Тебе надо как-нибудь полететь туда со мной.

– Ты этого хочешь? – спросил Борис, быстро взглянув на Сару.

– Ну конечно хочу, дорогой.

– Тогда как-нибудь полетим с тобой туда, – сказал Борис решительно.

– Кстати, ты знаешь, что означает слово Баку?

– Нет, не знаю.

– Есть предположение, что слово «баку» произошло от персидского слова «бад кубе» – обдуваемый ветром.

– Получается, там всегда ветрено?

– Почти всегда дует ветер с Каспийского моря. И пахнет нефтью.

– Сам бы я никогда не догадался, – слегка улыбнулся он.

Борис, конечно, знал все это, но не останавливал Сару. Ему нравилось, с какой гордостью она каждый раз рассказывает о городе, где родилась и выросла.

Сара села на подоконник и с высоты второго этажа стала

смотреть во двор. Борис принёс из кухни чашечку кофе и тарелку с клубникой. Поставил рядом с ней, прикоснувшись губами к её щеке.

– Вот, я сам сварил для тебя. Конечно, я не умею варить настоящий восточный кофе, но старался как мог. Only for you...

– Teşekkürler... – кокетливо прищурился, ответила Сара.

– Как? Повтори, пожалуйста...

– Teşekkürler... – улыбнувшись, она выбрала самую большую ягоду, откусила половину, протянув вторую часть Борису.

– Переведи.

– Это означает «благодарю». Ты со мной на английском, я с тобой на своём. А что? Раз ты меня любишь, обязан знать мой язык, я же русский знаю...

– Если ты выйдешь за меня замуж, я обещаю, что выучу азербайджанский!

Она ничего не ответила и отвела взгляд.

– Ну, что молчишь?

Она отпила из чашки, наслаждаясь вкусом крепкого сладкого кофе, и надкусила еще одну ягоду.

– Вкусно... Ты знаешь, наши мужчины не привыкли так ухаживать, я имею в виду – сварить кофе, приготовить еду для любимой женщины. Почти никто из них этого не делает... Одним словом, у нас все наоборот.

Он покачал головой и, улыбнувшись, сказал:

– Но вы сами избаловали своих мужчин...

– Совершенно верно! – согласилась девушка.

Они помолчали. Борис протяжно вздохнул:

– Все меня покидают. Вот и домработница ушла.

– Аманда?

– Да, Аманда. Рано утром ушла, вчера отпросилась у меня. У кого-то из ее многочисленных родственниц сегодня день рождения.

– И что, прямо с утра отмечают? – удивилась Сара.

– Не знаю. Филиппинцы – они из другого мира, нам их не понять, и они нас не понимают. Я даже обрадовался, что она уйдёт сегодня, и мы с тобой останемся одни... – с грустью в голосе добавил он.

– Милый, я улетаю всего лишь на два дня. Перестань грустить, прошу тебя. Люди расстаются на годы...

– Скажи это моему сердцу, если, конечно, оно тебя поймёт...

Они опять долго молчали.

– Дождь все ещё идёт?

– Да. Мне нравится дождь... У нас говорят: если хочешь, чтобы бог услышал твои молитвы, помолись, когда идет дождь. Так всегда говорила моя прабабушка. Это просто пословица.

– Бабушки – как старый сундук, внутри много всяких богатств, имею в виду знаний. Когда они начинают говорить, то

все вокруг молчат. Умение рассказывать одну и ту же историю многократно, причем каждый раз по-новому, дано только им...

Она согласно кивнула:

– Ты прав... Прабабушка моя умерла, когда мне было пятнадцать. Я тогда была у нее единственная правнучка, и называли меня в честь неё, – глаза Сары погрузнели. – У меня был шок, долго не могла в себя прийти. Никогда не думала о том, что она когда-нибудь умрет... Очень мудрая была... До сих пор она как живая перед глазами... Мне ее очень не хватает.

– Тебе повезло, а я не помню ни бабушку, ни прабабушку. Завидую тебе белой завистью, если ты часто вспоминаешь о ней, значит, она все ещё жива для тебя, – грустно улыбнулся он.

– Да, конечно, в моей памяти она жива... Ей было девяносто четыре года. Она была для нас связующим звеном с нашими предками.

На глазах Сары показались слезы. Борис обнял её, пытаюсь успокоить.

– Не плачь. Надо молиться за неё. Она прожила достойную жизнь. Дай бог всем так...

– Перед смертью, – продолжала Сара, словно не слыша его, – все собрались вокруг неё. Я села рядом и взяла её руку в свои. Не могла удержать слез, расплакалась... Бабушка посмотрела на меня и сказала: «Будь всегда мужествен-

ной, и пусть всемогущий Аллах благословит тебя». Потом она слабым голосом сказала свои последние слова: «Будьте дружными и сохраняйте нашу семью». Вот эти слова – «сохраняйте семью» – запомнились мне навсегда. Её смерть была первой несправедливостью, с которой я столкнулась в жизни.

– Какие у тебя холодные руки, Сара! – Борис сжал её ладони.

– Просто засмотрелась на дождь и вспомнила ее...

Он взял её на руки.

– Одевайся, поехали.

– Куда?

– Просто хочу прокатиться с тобой по Москве. Позавтракаем где-нибудь? – Он уже стоял перед шкафом, решая, что надеть.

Сара подошла к нему и положила голову на плечо. Он провел ладонью по ее щеке, вытирая влажные следы слез.

– Куда ты намерен ехать? На улице холодно и дождь... – голос ее был уже тих и спокоен.

– Когда ты рядом, я не чувствую холода, – Борис поцеловал Сару.

– Поехали, по дороге решим, что делать. И, раз твоя бабушка говорила, что надо молиться, когда идет дождь, мы так и сделаем: будем молиться, держа друг друга за руки.

– И что же мы будем просить у Него?

– Счастливое будущее для нас...

– Нет никакого счастливого будущего. Счастливым может быть только настоящее, и только оно.

Сара тоже начала одеваться.

– Ты просто великолепна! – воскликнул он ее синему платью.

Через десять минут они уже сидели в машине. Борис завёл двигатель.

– Надо чуть подождать, три минуты достаточно, чтобы двигатель прогрелся.

– Мой папа вообще не греет мотор, завёл и поехал.

– Какая машина у твоего папы? – он посмотрел на неё.

– Я в них не разбираюсь особо... Сейчас... – она открыла свою коричневую сумку Hermes и достала iPhone. – Я сейчас тебе фото покажу. Вот!

– Это «тойота ленд крузер». Отличная машина, можно сказать, вечная, – он покачал головой в знак одобрения.

– Ну ладно. Поехали. Пристегни ремни. Моя главная забота – доставить тебя целой и невредимой.

Часть вторая

– Проголодалась? – хриплый голос Бориса словно ожил.

– Ужасно, – ответила Сара, улыбаясь.

– Сейчас закажем еду, – он нетерпеливо потер руки, – ты что хочешь?

– Чай с чабрецом...

– Я имею в виду – что будем есть?

– Азербайджанский кю-кю.

Они сидели у большого стеклянного окна на втором этаже круглосуточного кафе Fresh, которое стояло прямо на Садовом кольце, рядом с министерством иностранных дел. Борис оглянулся вокруг в поисках официанта.

– Похоже, мы с тобой тут одни, – улыбнулся он, наклоняясь к ней.

– Ты знаешь, я очень рада, что мы с тобой тут одни, – она хихикнула.

– Извините, – молодой парень лет двадцати трёх быстро подошел к ним и положил меню на стол, – простите за задержку.

У него была несоразмерно длинная, словно вытянутая голова, которой он будто виновато покачивал.

– Принесите нам чай с чабрецом и, если есть, кю-кю азербайджанский, – сказал Борис, посмотрев на его бейджик, и добавил: – Аслан.

– Чай с чабрецом есть, а кю-кю, к сожалению, нет. Может, что-нибудь другое закажете?

– Ладно. Оставьте нам меню и принесите чай, – Борис взял меню и передал Саре.

– У вас есть омлет? – она отложила меню в сторону, даже не взглянув.

– Омлет из яиц, сливок и сыра. Подается с тремя тостами, крем-сыром и сливочным маслом, – мигом отозвался Аслан, словно с самого начала ждал этого вопроса.

– Я буду омлет, Борода! Ты тоже?

Очень часто она звала Бориса Бородой. Он отрицательно покачал головой:

– Мне, пожалуйста, принесите блинчики с творогом.

Официант, повторив заказ, торопливо ушёл.

– Мне надо еще успеть зайти за конфетами, папа очень любит московский шоколад. Говорит, это вкус его юности, особенно «Мишка косолапый» и «Аленка», – улыбнувшись, Сара вздохнула. – Он ведь служил в армии здесь, в Подмосковье, ему даже предлагали остаться, но он не согласился. Родину свою он любит безумно, – она опять вздохнула, – да ещё бабушка настаивала, чтобы он вернулся домой, мол, ты у меня один сын, неужели останешься в России? Вот так материнская любовь очень часто встает у нас на пути...

– Но, мне кажется, он сделал правильный выбор, родина – она одна, как и мать, заменить её нельзя ничем. Я родился в Москве и вырос здесь. Сколько у меня есть возможностей,

чтобы иммигрировать в Америку, но я не хочу, моя родина Россия...

Подошедший официант молча поставил на стол чайник с чаем и снова удалился. Борис разлил чай по чашкам.

– Где ты собираешься покупать конфеты?

– Да в любом магазине, лишь бы не забыть. И ещё колбаску, сырокопченую, папа тоже всегда просит ее привозить. Самое смешное, – она взяла чашку с чаем, – он скушает два-три кусочка в первый день, а все остальное лежит в холодильнике, пока мама не выбросит.

– Колбасу?

– Да, она у меня верующая, колбасу не ест. Религия не одобряет.

– Понятно... Значит, папа ждёт от нас колбасу и конфеты. – Борис сразу задумался, где лучше все это купить.

– От нас? Хмм... Не забывай, Борода, гостинец папа ждёт лично от меня. Давай не будем обобщать. Пока не будем, – добавила она, – прошу...

– Ваш омлет и блинчики, – услужливо сказал Аслан. Что-нибудь ещё?

– Нет, пока все. Принесите потом два капучино.

Когда официант ушёл, Борис заметил Саре:

– Почему ты всегда рубишь с плеча? Всегда стараешься замять разговоры на эту тему. Разве я говорю что-то необычное? Мы с тобой уже шесть месяцев вместе... Но когда я говорю «мы» – заметь, я не разделяю нас с тобой, – ты все вре-

мя меня останавливаешь.

Сара не ответила ни слова.

– Ну, скажи хоть что-нибудь! Очень прошу, не молчи...

– Кстати, – она улыбнулась и подняла на него глаза, – ты во сне кричал сегодня. Даже разбудил меня.

– Я кричал? – переспросил Борис удивленно.

– Первый раз у тебя это?

– Не знаю, я ничего не помню, – он пожал плечами, – наверно, первый... Я, видимо, кричал, потому что ты уходила от меня, а я звал тебя, кричал вдогонку...

– Не кричал – орал изо всех сил.

Борис смущенно улыбнулся.

– Когда от нас уходит любимый человек, мы должны сделать все, чтобы остановить его. Иногда лучше закричать, это больше помогает, чем ласковые слова.

– Да... Ты ешь, ешь, мой любимый человек...

– И ты, моя любимая женщина, тоже ешь, сейчас остынет твой омлет...

Ненадолго за их столиком возникла тишина, слышался только стук вилок, но вскоре ее нарушил официант:

– Ваши два капучино, что-нибудь ещё? – в этот раз он посмотрел на Сару.

– Спасибо, пока всего достаточно, – она поправила непослушные волосы, спадающие на лоб.

– Хорошо, если что, я внизу, – и он удалился.

– Кажется, ты ему понравилась, – насмешливо сказал Бо-

рис.

– А он мне нет. Оставь эти иронические разговоры для своих студенток, их у тебя много, так что можешь издеваться над ними сколько хочешь.

– Да? И наорать могу на них?

– Разумеется, можешь...

– А на тебя?

– Только во сне, – она опять улыбнулась, – тем более ты уже это сделал сегодня. Но, заметь, я не обиделась. Я все ещё тебя люблю...

– Только тебя люблю... – эхом отозвался Борис.

– Борода, расскажи мне, пожалуйста, не скрывай. Что ты видел во сне? Я чувствую, ты что-то не договариваешь...

– Мой сон тебе не понравится.

– Почему? Ты и правда на меня кричал во сне?

– Нет.

– А что тогда?

– Убил... – произнеся это, он внимательно следил за реакцией Сары.

– Как? Кого убил?

– Коня... Масти не помню. Помню только, я был в пустыне с группой людей. Нас было много, и мы куда-то шли. Одна из лошадей заболела, и я почему-то решил убить её. Я зарезал коня ножом. А конь этот был самым красивым из всех...

– Зачем же ты зарезал его?

– Не знаю, – он снова пожал плечами, – не знаю, наверно,

была причина, но я не помню.

Сара выжидающе молчала.

– Я помню, что он, увидев нож в руке, посмотрел на меня и закрыл глаза. Как бы почувствовал, что его ждет... Ужас! Страшный сон...

– И ты кричал потому, что убивал?

– Не помню... Мне было жалко его, но я не мог ничего поделать. Не могу рассказать более подробно, запомнил только это ощущение пережитого ужаса, – добавил Борис.

– Хорошо, что весь пережитый тобою ужас остался там, – сказала она дрожащим шёпотом.

Внезапно зазвонил телефон Бориса. Увидев номер, он натянуто улыбнулся и быстро перевернул телефон экраном вниз, явно растерявшись, даже заерзал на стуле.

– Почему не отвечаешь? – с любопытством спросила Сара.

– Да так... Ненужный человек, потом перезвоню. Не хочу тратить это утро на пустые разговоры...

– Ты уверен, что это ненужный человек? – она доела остатки омлета.

– Да, уверен, – он поднялся с места, взяв телефон. – Я выйду на улицу.

Спустившись на первый этаж и выйдя на крыльцо, он нажал на кнопку приема вызова:

– Что нужно? – раздраженно спросил Борис.

– Нам надо увидеться. Причём сегодня, днём или вечером, неважно.

– Именно неважно! Все это неважно для меня! – заговорил он в ответ. – Я раньше тебя просил, а теперь требую, чтоб ты больше не звонила мне, никогда! Оставь меня в покое, Алиса, ты что, русского языка не понимаешь?

– Понимаю, не кричи на меня! Я тебе уже не жена, кричать будешь на свою женщину. Как её там зовут? – она запнулась на несколько секунд, затем язвительно добавила: – а, провинциалка Сара!

– Оставь нас в покое.

– Нас? Теперь ты уже так говоришь? Вы что, поженились? Я тебе это не прошу, ты слышишь?

– Я не собираюсь с тобой ничего обсуждать!

– Ну и не обсуждай. Когда я ее найду, Борис, ты увидишь, что я с ней сделаю. Я ей лицо исцарапаю ногтями! Пусть оставит тебя в покое! Ты мой!!!

– Да пошла ты к черту! – он нажал отбой и, повернувшись, увидел прямо перед собой Сару.

Борис озадаченно заморгал и обвел её взглядом с головы до ног, не зная, что сказать.

– Пойдем, дождь идет, – прошептала она, и они вернулись в кафе.

– Постой! – он схватил ее за руку. – Я все объясню, она моя...

Отдернув руку, она прижала указательный палец к губам, словно призывая к молчанию. Когда они вернулись за столик, Сара, убедившись, что вокруг нет лишних ушей, сказа-

ла:

– Никогда не рассказывай о себе ничего личного, не убедившись, что ты один. Людям только дай повод для сплетен. И, поверь мне, не важно, знают эти люди тебя или нет.

– Но мы же с тобой были одни, и нас здесь никто не знает, – он показал рукой на почти пустое кафе. – Мне плевать на всех остальных, главное – это ты!

– Мне тоже, но мы уже зашли внутрь, а на первом этаже сидят люди, и официанты есть. Зачем им знать о том, что звонила твоя бывшая жена?

– Ты права, – он растерянно почесал бороду, – какая ты у меня мудрая!

Они сели.

– Я знаю, кто она, – сказала Сара. – Однажды, наверно, месяца три-четыре назад зазвонил мой телефон. Я подняла трубку и услышала незнакомый женский голос: «Ну, здравствуй, Сара, не ожидала моего звонка?» Я спросила, кто это, тут она начала орать: «Что, сучка, не ожидала меня услышать? Я Алиса, жена твоего любовника, оставь его в покое...» И так далее. Короче, пустые разговоры...

Борис удивленно покосился на нее:

– И что ты ответила ей?

– Ничего, – она улыбнулась, – послала к черту.

– Не понимаю, – он нервно потер бороду, – недоумеваю, откуда она узнала твой номер? Как она вообще догадалась о твоём существовании?

– Ну, со временем, наверно, мы все узнаем, иногда ответ приходит намного позже, чем вопрос.

– Только когда он придёт, то уже не будет иметь такого значения, – Борис напряженно сжал губы в одну линию.

– Честно, меня это не волнует! Скажу больше, мне нет разницы, где она нашла номер и откуда узнала про меня. Пусть она волнуется, ведь я рядом с тобою, а не она.

– Давай мы тебе номер поменяем? – предложил Борис.

– Нет! Я её не боюсь, ещё не хватало, чтобы я из-за неё я меняла номер. У меня на нем все контакты завязаны.

– И после этого она больше не звонила тебе?

– Я её номер сразу занесла в чёрный список.

– Все понятно, – он покачал головой.

– В следующий раз, когда она тебе позвонит, скажи мне. Если я буду рядом, то говори при мне. А то получается, что ты от меня что-то скрываешь... Хотя пусть только попробует ещё раз позвонить! – недовольно пробормотал он. – Почему ты мне не рассказала про этот звонок?

– Зачем? Она этого и добивается: я тебе расскажу, ты позвонишь ей, будешь ругаться... Возможно, найдется повод для встречи... Я решила выждать. А почему вы расстались?

– Потому что она идиотка! – сказал он резко, затем добавил: – Честно говоря, я до сих пор не понимаю, что меня к ней привлекло. Очень часто об этом думаю и никак не могу понять.

– Думаешь о ней?

– Нет, о том, как я мог жениться на ней. Как будто и правда мы притягиваем к себе все то, что нам не нравится. У нее холодное сердце...

– Ты все это сейчас понял?

– Нет, где-то около года назад осознал до конца. И сразу ушёл от неё, оставил квартиру. В виде бонуса. – Он усмехнулся. – Нет, ей подавай квартиру в центре Москвы. Ни стыда ни совести, все время чего-то не хватает...

– Борода, давай забудем о ней, – прервала его Сара.

– Забудем, – повторил он тихо, потом выпрямил спину, посмотрел на Садовое кольцо из окна и произнес: – А давай сегодняшний день проведём вместе?

Губы девушки расплылись в нежной улыбке:

– Я не против...

Часть третья

Сара открыла глаза. На табло электронных часов светились цифры: 8.20. Полежав еще несколько минут, она протянула руку к прикроватной тумбочке, пытаясь на ощупь отыскать телефон. Хотелось написать Борису, еще раз сказать о своей любви к нему... Пальцы лихорадочно шарили в поисках телефона, и тут Сара вспомнила, что вчера перед сном оставила его на подоконнике. Пришлось встать и подойти к окну. Посмотрев на экран телефона, где часы показывали 8.23, она глубоко вздохнула и принялась писать: «Борода, я тебя обожаю! Я тебя люблю. Мне так сладко с тобой»...

– Сара, – в комнату вошла мама, – дочка, ты проснулась? – спросила она ласково.

– Да, мама. Что-то случилось? – она отложила телефон.

– Ничего не случилось. Ты чего так рано встала? Раньше я такого за тобой не замечала, – говоря, мама одновременно прибирала в комнате.

Сара приподнялась, оперлась на локоть и заговорила:

– Ты права, мама, просто раньше по утрам мой мозг буксовал, поэтому тело лежало без движения некоторое время. Порой даже имя своё не могла вспомнить, пока постепенно в себя не приду. Но все это уже в прошлом...

– Может, тебя что-то беспокоит? Может, ты влюбилась, а я не в курсе? – мать испытующим взглядом смотрела

на дочку.

Сара вспомнила глаза Бориса, как поначалу она чувствовала себя неудобно под взглядом этих кошачьих зелёных глаз. Она хотела сказать: «Может быть», но не смогла. На её губах снова появилась улыбка, и Сара притворилась, что не слышала последних слов матери.

– Ну, дочка, не молчи! Может, все-таки расскажешь...

– Да просто не спится мне... – она была несколько изумлена этим вопросом. Затем встала, чтобы взять халат. – Не смотри на меня, мама... Я стесняюсь...

– Не смотрю, – мама отвернулась, – подумаешь... Не я, что ли, вырастила тебя? Не я тебе попу мыла? Ладно, ладно, не смотрю!

– Вот и хорошо... Мам?

– Да... – ответила та слегка обиженно.

– Ранняя птичка первого червячка склюет, помнишь? – сказала Сара, одеваясь.

– А ранняя мышка угодит в мышеловку, и сыр достанется следующему мышонку, – добавила мать, заправляя постель.

Сара вышла из комнаты и направилась в ванную. Когда она вернулась, ее постель была заправлена. Мама позвала из кухни:

– Доченька, иди пить чай! Только заварился, я сама не завтракала еще, ждала тебя. А папа уже на работу ушёл.

Сара села за стол, на котором чего только не было. Чай в стакане «армуды», мёд, хлеб из тандыра, сыры разных сор-

тов, оливки... Она взяла лепешку, поднесла к лицу и вдохнула, закрыв глаза, затем отломил кусок.

– Как же я люблю этот запах! – она еще раз понюхала кусок хлеба. – На свете нет ничего вкуснее, чем горячий свежий хлеб из тандыра!

– Да, дочка, – мама кивнула, соглашаясь, – вот, бери мёд, настоящий, прислали из горного района. И сливочное масло. – Она подвинула масленку ближе к Саре. – Ну, давай, ешь.

– Нет, я буду немного хлеба с сыром, и все. Мёд слишком калорийный, а уж про масло вообще молчу...

– Ты посмотри на себя – на кого ты стала похожа? Исхудала, руки как спички, – мать схватила ее за руку и потрясла, потом отпустила. – Может, тебе сделать омлет?

– Не надо! Мои руки не худые, а стройные. Если даже я наберу вес, то в первую очередь растолстею вот здесь, – она показала на грудь и бёдра, – это генетика. В общем, все, как у тебя, буду круглая, как пончик.

– Как ты будешь рожать такая худая? Меня это очень сильно беспокоит...

– Перестань, я пока рожать не собираюсь, и ты забыла, что я еще не замужем?

– Не забыла! Как раз об этом хотела поговорить с тобой, пока папы и брата нет дома.

– Ну, давай... – Сара отпила из чашки. – Внимательно слушаю тебя.

– Дочка, тебе скоро двадцать семь, а ты все ещё не замужем. Я, да и твой отец тоже, очень переживаем... Мы хотим увидеть тебя в свадебном платье, потанцевать на твоей свадьбе... Ты же знаешь, у папы проблемы с сердцем...

Это Сара уже поняла, когда вчера в аэропорту ее встретил не папа, а сын папиного друга Тимур.

– Я уже устала уговаривать! – Сара даже хлопнула ладонями по столу. – Пусть он летит ко мне в Москву, там есть институт кардиологии. Московские доктора помогут ему...

– Мы недавно были с ним в Стамбуле, там врачи тоже неплохие. Доктор, у которого мы были, сказал, что ему категорически нельзя нервничать.

– Вот и не нервируй его, – ответила Сара, отпивая чай из стакана.

– Я?! – мать удивленно взглянула на дочь сквозь очки.

– Конечно ты, кто же еще, я-то живу далеко от вас...

Мама промолчала.

– Ну, расскажи, как Тимур тебя встретил вчера?

– Нормально. Получаю багаж, и вдруг слышу голос: «Сара, давайте, я вам помогу». Он меня встретил внутри аэропорта. Честно говоря, мне это понравилось.

– А он сам тебе нравится?

– Конечно нет.

– Почему «конечно»?

– Не знаю. Просто не нравится, и я не смогу полюбить его, – она пожала плечами.

– Может, и сможешь...

– Нет, не смогу, – ответила Сара твердым, уверенным голосом.

– Может и так... – нехотя согласилась мама.

Сара качнула головой, как бы еще раз подтверждая свои слова, и невнятно, с полным ртом добавила:

– Тогда о чем речь? Раз сама все знаешь...

– Доченька, Дюймовочка ты моя, – принялась уговаривать мать. – Полюбишь потом, когда начнете жить вместе. Он очень умный, красивый...

– Да-да, знаю...

– Окончил университет в Англии, – продолжала мать, – сейчас работает в одном из крупных бакинских банков заместителем директора. А ведь ему всего тридцать один. У него есть будущее...

– Вот уж действительно, повезет кому-то! – Сара улыбалась. – Я своё будущее вижу чётко, только в нем нет Тимура, это точно. Времена, когда для девочек выбирали женихов, ещё до того, как они созреют, ушли, слава Аллаху! Но теперь родители и во взрослой жизни не отстают, им так и хочется выдать дочерей замуж! Как будто это единственная цель в жизни! Люди совсем потеряли голову...

– Да перестань! Что ты знаешь о жизни? Маленькая, без жизненного опыта, и вообще, не забывай, твои родители не желают тебе плохого, – мать встала, налила себе еще чаю и снова села за стол. – Мы выбрали для тебя парня, которого

знаем с малых лет. Родители воспитанные и достойные люди, ты же понимаешь, в таких делах гены играют большую роль. – Немного помедлив, она добавила: – На днях к нам заходила мама Тимура, после того, как услышала, что ты скоро прилетаешь. Ты же знаешь, они наши дальние родственники...

– Знаю. И вы с его мамой решили отправить его за мной в аэропорт. Вообще, мама, запомни раз и навсегда – когда возвращаешься на родину, хочется, чтобы тебя встретили родные люди. – Сара взяла телефон, чтобы посмотреть, нет ли ответа от любимого.

Но мама опять проигнорировала ее слова.

– Она пришла к нам с кольцом. Он сам выбрал для тебя кольцо с бриллиантом! Купил в Париже, представляешь? В Париже!

Пока мама говорила, Сара читала сообщение: «Дорогая моя, доброе утро! Хочешь узнать, доброе моё утро или нет? Я скажу тебе. Когда я, просыпаясь, не вижу твоих красивых карих глаз, не чувствую запаха твоих волос, моё утро добрым быть не может. Только тебя люблю...»

– Дочка? Ты меня слышишь? – мама, подняв брови, удивленно смотрела на Сару. – У тебя такой отсутствующий вид, как будто ты здесь и где-то ещё одновременно.

– Извини, мама, мне написали с работы. Что ты говорила?

– Говорю тебе, что ты мыслями своими где-то далеко, – мама махнула рукой перед её глазами.

– Нет, наверно, это из-за акклиматизации... Мне хорошо и без его кольца. Подумаешь, из Парижа!

– Ах... дочка... – мать, вздохнув, устало посмотрела на Сару.

– Мам, почему тебе непременно хочется, чтобы я вышла замуж за Тимура?

– Наверно, потому, что я вижу в нем достойного парня, мужа, отца...

– Ну, даже если так, то что?

– Ты выйдешь за него замуж! – сказала мать твёрдым голосом.

– Об этом вообще речи быть не может! – Сара улыбнулась, стараясь смягчить категоричность своих слов. – Я не могу выйти за него замуж... Я его не люблю!

– Полюбишь потом, будете вместе жить – привыкнешь к нему, я тебе уже говорила. Я тоже так вышла замуж за твоего отца, потом полюбила его.

– И ты считаешь это нормой?

– Вне всяких сомнений! – ответила мать, стараясь быть хладнокровным.

– Мне очень жаль, но это, правда, невозможно... – Сара отвернулась на несколько секунд, потом вновь посмотрела на маму. – Жизнь даётся только один раз, и каждый должен прожить ее так, как он хочет.

– Послушай, исторически сложилось так, что наши женщины не решают сами свою судьбу, доверяя это родителям.

Я же тебе плохого не посоветую. Выйдешь замуж за него, родишь детей. Что может быть лучше?

Мать смотрела на нее, словно гипнотизируя взглядом, всем своим видом показывая, что надо покориться судьбе.

– Это уже патология... – буркнула Сара, не выдержав.

– Патология у тебя вот здесь, – мама постучала пальцем по виску, – тебе уже двадцать семь лет, а ты все ещё не замужем. Все твои ровесницы уже давно повыходили, при виде их у меня слезы наворачиваются, и на каждой свадьбе тоже, когда вижу счастливые пары... А после свадьбы прихожу домой, принимаю успокоительное.

– У тебя невроз, и я даже догадываюсь, кто может тебя исцелить...

– Конечно, это, оказывается, у меня патология, может, я вообще сумасшедшая?!

– Мам, – Сара встала, тяжело вздохнув, ей явно не терпелось высказаться. Она набрала в грудь побольше воздуха и начала говорить: – Сейчас двадцать первый век... Молодые люди сами должны выбирать себе мужа или жену, не родители! Сейчас жизнь другая, мы не можем жить по старым традициям. В прошлом веке все было иначе. По твоим меркам, за это время, имею в виду – за один век в жизни азербайджанских женщин ничего не изменилось, они по-прежнему ничего не решают и остаются рабынями мужчин? Бред... – Сара пристально смотрела на мать в ожидании ответа.

– Все решаем мы, женщины, только об этом не стоит го-

ворить в присутствии мужчин, – мама встала из-за стола. – Когда говорят: голова – это мужчина, а женщина – шея, мне, знаешь, что хочется ответить?

– Что? – Сара повернулась к ней, не отрывая глаз.

– Папиными словами: мужчина – голова, женщина – ноги.

Сара улыбнулась.

– Пойми, родители всегда хотят только одного: чтобы дети были счастливы, – мама подошла и обняла её.

– Мам, мне помнится, ещё лет десять-пятнадцать назад ты со слезами на глазах говорила, что не позволишь мне пройти через такие же страдания, через которые прошла сама. Не ты ли говорила, что, выйдя замуж за моего отца, тебе пришлось попрощаться со многими мечтами? Или ты память потеряла?

Мать, не слушая дочь продолжала:

– Отец дал добро, он сказал, что Тимур достойный парень. Значит, он ему нравится. У наших внуков будут благородные гены.

– Мама, не выставляйте себя на посмешище! Я давно уже не ребенок и никогда не была дурой. Разговор окончен, я сама знаю, когда и за кого выйду замуж.

– Что ты сказала?! Как ты можешь послушаться родителей?! За кого это ты собралась выйти замуж без родительского одобрения? Ты, кажется, забыла, кто твои родители... – мать сверлила Сару уничтожающим взглядом, её обычно мягкое лицо вдруг словно окаменело. Сара тоже смотрела

на нее, не до конца понимая, чем так ее разозлила.

– Бабушка! Бабушка... – их напряженный разговор прервал проснувшийся племянник Сары, шестилетний Имран. У него загорелая мордашка, глубокие ямочки на щеках и широкий просвет между передними зубами. Волосы черные, как и у Сары, только короткие.

– Что, нельзя было потише? – фыркнула мать в сторону Сары.

Та молча пожала плечами, переводя взгляд с мамы на племянника.

– Да, мой маленький! Мой герой с ямочками на щеках, что ты проснулся так рано? – заворковала мама, обняв Имрана и целуя его в щеку.

Сара вышла из кухни, мама пошла следом.

– Мы ещё не закончили. Сара, открой свои уши и услышь меня. Выйдешь замуж за Тимура, и других вариантов нет. Твой отец обещал, и слова своего он не сможет взять обратно. Папу ты хорошо знаешь... – мама проговорила все это тихим холодным голосом. – В Азербайджане репутация – это ценность, которую трудно восстановить, если однажды она пошатнулась.

Сара посмотрела на мать, будто видела её впервые. Ей почему то показалось, будто мать ненавидит ее.

– Я думаю, точка поставлена, мама, – заявила Сара, прекрасно зная, что это не так. Затем она вошла в свою комнату, бросилась на кровать, уткнулась лицом в подушку и без-

звучно заплакала. В родном доме она вдруг ощутила себя рабыней. Тоска по Борису остро пронзила её. Сара резко села и начала глубоко дышать, в горле стоял горько-соленый вкус. Слезы сбегали по щекам прозрачными дорожками. «Зачем я только прилетела», – подумала Сара, вытирая слезы. – О, как я нечестна, – сказала она вслух.

Позже она проверила телефон, новых сообщений не было. С досадой швырнула телефон на подоконник и снова легла, но тут вдруг раздался звонок.

– Алло! – она схватила трубку. – Куда ты пропал, господи боже мой!!! – со вздохом проговорила она.

– Сара, ты что? Это я, папа, не могу до мамы дозвониться, решил тебе набрать. Все нормально?

– Да, да, папа, – ответила она сухим голосом, – я поняла, что это ты.

– А ты от кого ждала звонка?

– Ни от кого, по работе должны позвонить из Москвы.

– Понял, ну, скажи маме, чтобы перезвонила. Она тебе говорила, что вечером мы идём в ресторан? Наша семья, Тимур и его родители. Я там у мамы оставил деньги утром, сходи купи себе платье и приготовься, вечером тебя ждёт сюрприз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.